

На следующий день ровно в девять часов Цзи Чжаньюй прислал ему геопозицию ресторана с хого и предложил подтянуться к двенадцати часам.

Глядя на время, Чу Инь подумал, что Цзи Чжаньюй проявляет неожиданную активность... Видимо, офисным работникам и впрямь приходится туго, если у них нет компании для обедов?

Кто бы мог подумать, что у Цзи Чжаньюя такая интровертная, чисто «айская» личность. Хотя поговаривают, что люди с типом личности «I» обладают тонкой душевной организацией и легко проникаются сочувствием к другим.

Если взглянуть на это под таким углом, то нет ничего удивительного в том, что Цзи Чжаньюй завоевал звание кинозвезды.

Ближе к одиннадцати часам Чу Инь встал и начал собираться. В северном городе стоял уже почти декабрь, погода выдалась на редкость морозной. Стоило Чу Иню только приоткрыть дверь, как его обдало ледяным ветром, от которого он тут же съёжился и поспешно отступил обратно в комнату.

Поразмыслив немного у гардероба и убедившись, что в его чемодане нет других мелких вещей вроде шарфов или шапок, Чу Инь наконец вспомнил про тот тонкий шарфик, который ему кто-то подарил.

И надо же, он как раз отлично подходил под сегодняшнюю погоду.

Похоже, в список вопросов добавился еще один — действительно ли тот человек в лифте в тот день был Цзи Чжаньюем.

Чу Инь был человеком пунктуальным, с прекрасными навыками планирования любых своих действий. Он не любил ни опаздывать, заставляя других ждать, ни приходить слишком рано, попусту тратя время на ожидание.

Заложив время на возможные непредвиденные ситуации в дороге, ровно в сорок минут одиннадцатого Чу Инь прибыл в ресторан хого.

Лифт, который заказал Цзи Чжаньюй, шел прямо до отдельного кабинета, номер которого он тоже предварительно скинул Чу Иню. Поэтому стоило Чу Иню назвать заветные цифры, как его тут же проводили на место, и он обнаружил, что Цзи Чжаньюй уже на месте.

Цзи Чжаньюй пришел даже раньше него... Разве у кинозвезд бывает настолько много свободного времени?

Если подумать, то всё вполне логично.

— Это ты мне подарил тот шарф? Тот человек в лифте в тот день был ты, верно? — достав шарф, спросил Чу Инь. Цзи Чжаньюй на мгновение замер.

— В твоей сумке тоже лежит такой шарф.

Впрочем, сегодня они случайно надели одинаковые вещи? Сама эта мысль почему-то вызывала в душе Цзи Чжаньюя какое-то тайное, скрытое от посторонних глаз удовольствие.

Чу Инь с пониманием кивнул.

Мысленно Чу Инь одобрительно кивнул: надо же, Цзи Чжаньюй и впрямь оказался человеком дела, способным вынести и не такое ради высшей цели. Поистине впечатляющее упорство.

Разобравшись во внутренних причинно-следственных связях, Чу Инь перестал испытывать хоть малейшие муки совести за то, что нагло напросился на бесплатный обед.

Усевшись за стол с завистью во взгляде, Чу Инь принялся наблюдать, как Цзи Чжаньюй начинает заказывать блюда.

В конце концов тот заявил, что он всеяден и совершенно не боится остринки.

Именно поэтому, пока блюда варились, Чу Инь решил сначала завести разговор о шарфе... Войдя в ресторан, он почувствовал себя немного жарко, поэтому снял его и убрал в сумочку. Хотя изначально он планировал непринужденно перевести тему на «Чу Сяньмина», стоило ему открыть рот, как он первым делом заговорил именно о шарфе.

Но с какой стати человеку, который на дух его не переносит, вдруг захотелось составить ему компанию за обедом? Что это за логика такая?

Чу Инь снова хорошенько подумал и пришел к выводу, что дело, скорее всего, в высоком статусе собеседника, которому необходимо поддерживать свой имидж. Пусть он и неприятен Цзи Чжаньюю, но по крайней мере является единственным человеком, который знает его истинное лицо и при этом не собирается его разоблачать.

Впрочем, разве он сам не сторонился его? Иначе с чего бы им делать вид, что они незнакомы?

Чу Инь тактично не стал допытываться, почему Цзи Чжаньюй тогда не окликнул его — подобные вопросы лишь поставят обоих в неловкое положение.

По правде говоря, такой Чу Инь слишком сильно отличался от того неприступного «Чу Иня», что запечатлелся в памяти Цзи Чжаньюя. Тот прошлый Чу Инь был донельзя надменным и холодным, и тогда Цзи Чжаньюй искренне полагал, что он и в еде переборчив, и острого

боится как огня.

Если подумать, подобный Чу Инь казался куда более живым и настоящим, чем тот гордый и недостижимый идеал из прошлого.

Сам Цзи Чжаньюй, как оказалось, тоже был не против поесть с огоньком, но тут же мягко улыбнулся, заметив реакцию спутника:

— Эти два блюда в хого получаются адски острыми.

Чу Инь никогда не привык себя в чем-то ущемлять:

— Зато мясо вкусное.

Стоило ему это произнести, как Цзи Чжаньюй понял: переубеждать бесполезно. Всё-таки у каждого свои слабости, и если уж человеку захотелось праздника живота, глупо ему мешать.

Он немного колебался, выбрал из овощей одну лишь порцию картофельной соломки и немного зелени, а затем поднял взгляд на Цзи Чжаньюя. Во взгляде его читалось немое «ну видишь, я же ем овощи!», отчего от него веяло какой-то необъяснимой, трогательной капризностью.

Поддавшись этому скрытому импульсу, Цзи Чжаньюй решил подыграть:

— Раз уж мы заговорили об этом, Джеффри — мой агент.

Чу Инь легкомысленно махнул рукой:

— А я не боюсь острого.

Но раз уж он не переносит себя прежнего, с чего бы ему избегать острой пищи?

— А ты в курсе, что там за история с ролью цидина? Неужели и вправду утвердили Чжу Сяньмина? — снова задал вопрос Чу Инь.

— Чжу Сяньмина?

Тогда Чу Инь подробно разъяснил ему всю подоплеку со сменой имени «Чжу Сяньмина» на «Чу Сяньмин».

Раньше Цзи Чжаньюй вообще не обращал внимания на то, как выглядит ассистент Чу Иня, а учитывая пластические операции Чжу Сяньмина, он и представить себе не мог, что между этим парнем и Чу Инем существует такая давняя связь.

Цзи Чжаньюй ответил:

— Что касается кастинга, здесь всегда всё решает режиссер Ху, я в это не вмешивался.

Хотя экранизация Алых девять небес производилась силами компании Синъи, Цзи Чжаньюй, будучи ее владельцем, вовсе не собирался сувать нос во все дела подряд. Профессиональную работу нужно доверять профессионалам, поэтому он никогда не лез в режиссерский процесс утверждения актеров.

И всё же некоторой подоплекой он владел:

— А ты знаешь, что у Чу Сяньмина есть покровитель? Этот человек — закадычный друг Ху Цюня с детских лет. Когда Ху Цюнь затеял съемки сериала, тот спонсировал проект на крупную сумму, а взамен попытался протолкнуть в актерский состав Чу Сяньмина. План был в том, чтобы дожидаться окончания открытого кастинга и поставить всех перед фактом до официального объявления результатов.

В конце концов, пусть подобный метод и нельзя назвать честным, у Ху Цюня действительно не оставалось бы выбора. К сожалению, Чу Сяньмин сам вырыл себе могилу: кто-то слил в интернет видео с камер наблюдения. Тогда Ху Цюнь с потемневшим от злости лицом заявился к своему давнему приятелю и высказал ему всё в жесткой форме, так что Чу Сяньмина действительно благополучно слили.

Однако позже Чу Сяньмин, вернувшись домой, видимо, снова наплел что-то своему покровителю, и тот опять принялся донимать Ху Цюня бесконечными домогательствами, в конце концов все-таки выбив для него эту роль.

Чу Иню стало любопытно:

— И ты вот так попустительствуешь их выходкам? Не боишься, что они испортят весь сериал?

Цзи Чжаньюй усмехнулся:

— Ху Цюнь согласился на это с моего одобрения. Я заставил его подписать с ними контракт: если под конец выяснится, что актерская игра Чу Сяньмина никуда не годится, он все равно будет обязан его заменить.

Поразмыслив над этим, Чу Инь пришел к выводу, что для такого дельца, как Цзи Чжаньюй, подобный расклад означал беспроектную ситуацию.

Это режиссер Ху будет переживать за свое художественное творение, капиталистов же волнует лишь максимальная монетизация.

Для самого же Цзи Чжаньюя: сыграет Чу Сяньмин — он ничего не потеряет, а если не сможет — останется только в плюсе.

Чу Инь мысленно скривился: ну надо же, всё тот же бессовестный Цзи Чжаньюй, а окружающие до сих пор считают его чуть ли не святым...

— Тогда передай режиссеру Ху, чтобы он подыскивал нового актера заблаговременно. Чжу Сяньмин вряд ли потянет эту роль, — посерьезнев, посоветовал Чу Инь.

Ранняя подготовка поможет свести убытки к минимуму, он ведь пекся исключительно о благополучии Цзи Чжаньюя.

Цзи Чжаньюй намеренно поинтересовался причиной, на что получил вполне исчерпывающий ответ:

— Этот Чжу Сяньмин привык искать легких путей и совершенно не умеет работать в пот лица, он гарантированно завалит роль.

Чу Инь уже успел навести справки: последние несколько лет Чжу Сяньмин промышлял лишь ролью сетевого блогера, и эта роль в сериале стала для него первой серьезной работой в карьере.

Цзи Чжаньюй нахмурился: слова Чу Иня показались ему до боли знакомыми — ровно семь лет назад остальные парни из группы точно так же отзывались о самом Чу Ине.

Поболтав еще немного и исчерпав список вопросов, Чу Инь наконец сосредоточенно принялся вылавливать из бульвара лакомые кусочки.

Он не выносил слишком горячую и острую пищу, но при этом безумно тосковал по хого. Поэтому он поставил перед собой пиалу с чистой водой, тщательно промывал в ней выловленные из котла кусочки, а затем макал их в кунжутный соус, чтобы остудить перед едой.

Чу Иню было неловко накладывать в чашку слишком много еды разом, чтобы та остывала — подобное поведение могло показаться невоспитанным. Из-за этого он ел ужасно медленно: закинет кусочек мяса, ждет минут пять-шесть и только потом отправляет его в рот. Со стороны это выглядело так, будто трапеза ему совершенно не по душе, а ест он вяло и неохотно, что легко могло вызвать превратные толки у окружающих.

Цзи Чжаньюй понаблюдал за ним какое-то время и, убедившись, что в повадках Чу Иня за семь

лет практически ничего не изменилось, слегка приглушил взгляд:

— И это ты называешь любовью к хого и острой пище? По-моему, ты мучаешься больше, чем ешь.

Услышав это, Чу Инь в ответ лишь выразительно закатил глаза, впрочем, сил объясняться у него сейчас не было. Он только что остудил во рту мятную креветочную пасту, подцепил ее одной палочкой и, поднеся к самым губам, сначала слегка высунул кончик языка, чтобы осторожно проверить температуру. Убедившись, что язык не испытывает жгучей боли, он с аппетитным звуком «ам» отправил ее в рот.

Как же это вкусно! Внешний жар уже рассеялся, но внутри сохранилось приятное тепло. Раскусив пасту во рту, Чу Инь ощутил, как по вкусовым рецепторам растекается сладковато-пряный сок.

Еда все еще обжигала и слегка пощипывала язык, но Чу Инь счел это вполне терпимым. Настолько вкусным, что он невольно прищурился от удовольствия.

При виде такой картины Цзи Чжаньюй больше не мог утверждать, что тот просто притворяется.

А образ того самого кончика языка, который Чу Инь чуть-чуть высунул наружу перед дегустацией, так и продолжал крутиться у него в голове...

Прокрутив эту сцену в памяти еще пару раз, Цзи Чжаньюй наконец уловил суть:

— Ты боишься горячего? — единственное логичное объяснение, которое пришло ему в голову.

Но неужели на свете и правда бывают настолько чувствительные к температуре люди? И тем не менее он все равно упрямо тащится в ресторан хого — похоже, любовь к этому блюду у него действительно искренняя.

— Ты задаешь глупые вопросы. А сам-то не боишься? — Чу Инь уже вовсю дышал, шумно втягивая воздух ртом.

Цзи Чжаньюй улыбнулся: Чу Инь оставался всё таким же... хм, прямолинейным.

— Я к тому, что ты, похоже, панически боишься обжечься? Помню, в общепитии ты вечно питался одной западной едой.

Тогда все вокруг думали, что Чу Инь просто выпендривается и кичится богатством, раз уплетает западные блюда трижды на дню. Но теперь, вспоминая об этом, Цзи Чжаньюй

понимал, как жалко это выглядело: бедняга просто пытался уложиться в жесткий график тренировок, выбирая то небольшое, что было готово к употреблению.

Чу Инь от остроты высунул язык:

— Да при чем тут западная еда? Кто тебе сказал, что вся европейская кухня подается холодной? Я просто ел остывшую еду!

Все эти изыски подавали холодными лишь для того, чтобы блюдо выглядело красиво.

И в те времена, когда ему приходилось тяжелее всего, окружающие еще смели обвинять его в показухе... Он до сих пор не мог взять в толк, чем именно он тогда хвастался?

По правде говоря, Чу Инь не понимал одного: пусть он и питался холодной едой, но ингредиенты, из которых она состояла, явно не были тем, что обычные люди едят изо дня в день.

Совсем как арбузы: в какой-нибудь Японии это жутко дорогой деликатес, в то время как на их собственной родине арбуз — самый обычный фрукт, доступный любому человеку независимо от достатка, ешь сколько душа пожелает.

Цзи Чжаньюй понимающе кивнул:

— Похоже, ты и вправду невероятно чувствителен к горячему. С чем это связано?

Чу Инь бросил на него полный обиды взгляд.

На самом деле он никогда не пытался скрывать свой недуг, просто никто раньше не спрашивал, а сам он не видел смысла выпячивать это напоказ. Но раз уж человек поинтересовался, он, разумеется, объяснит все как есть:

— Ты слышал когда-нибудь о «кошачьем языке»? У меня именно такой организм.

<http://bllate.org/book/19757/1945669>